

1

2019 год

Она опаздывала в суд.

Выезжая из дома, она всегда точно рассчитывала время, но Доминик утверждал, что она доберется до места за полчаса. Главное — вырваться из пробок в центре Лондона. И вот теперь она сидела в застывшей реке из машин и каждую минуту косилась на часы на приборной панели.

Ей нельзя было опаздывать: судья изничтожил бы ее в присутствии клиента. С него стало бы даже отказать ей в слушании дела, и тогда пришлось бы уползти с поджатым хвостом.

Она чувствовала, как у нее ускоряется сердцебиение, в груди теснило, ее уже охватывала паника. Она даже не знала, где, собственно, находится этот суд, не говоря о том, где припарковать машину. Перед слушанием дела нужно было еще прочитать кое-какие документы. Все это превращалось в катастрофу. О чем она думала, когда выезжала из дома так поздно?

Но пробка, к счастью, начала рассасываться. Машины одна за одной набирали скорость. Она

перевела дух. Положение еще можно было спасти. Если на маршруте не возникнет новых пробок, то, добравшись до места, она получит кое-какой запас времени. Напряжение начало спадать, плечи и шея расслабились. Она стала вслух репетировать свою вступительную речь, голос звучал звонко и убедительно. Многолетний опыт выступлений в суде давал уверенность в себе. Она была мастером своего дела и знала это. Она выиграет утреннее разбирательство, а потом...

Она не видела мальчишку до того мгновения, когда он уже очутился у нее на капоте. Его лицо было искажено от удара, а затем от соприкосновения с лобовым стеклом. После этого он исчез, попав в слепую для водителя зону.

Куда он делся? Не хватало его еще и переехать, после того как сбила... Инстинкт сделал свое дело, она ударила по тормозам, машина встала как вкопанная. Удар машины, ехавшей сзади, был неминуем, но его все же не последовало: водитель успел затормозить. Она увидела в своем зеркале заднего вида человека за рулем: седовласая женщина, расширенные от ужаса глаза, широко разинутый рот.

Но мальчишка-то где? Нужно было вылезти и удостовериться, что он не пострадал, но ноги отказывались повиноваться. Казалось, мозг перестал передавать импульсы мышцам. Она часто дышала, как будто из автомобиля разом

пропал весь кислород и ей стало нечем наполнить легкие. Откуда-то до ее слуха доносился слабый звук, но она не могла на нем сосредоточиться. Кто-то на нее кричит, надо сосредоточиться. Но нет, вряд ли это крик, источник звука где-то далеко...

— Ты цел? Я вызываю «Скорую». Лежи, не шевелись.

Говорила женщина из машины сзади. Она вышла и теперь стояла рядом с ее окном, с мобильником в руке.

— Пришлите «Скорую»! И полицию. Произошел несчастный случай. Мальчик выбежал на дорогу. Выбежал не глядя. Его сбила машина... Нет, не знаю... Нет, не моя, а та, что ехала передо мной, но женщина за рулем не виновата, она ничего не могла поделать. Он так внезапно появился... Да, по-моему, да. Подождите...

Женщина снова обращалась к ней сквозь стекло, слова трудно было разобрать:

— Вы в порядке? Вы не пострадали?

Ей срочно нужно было на воздух, внутри было слишком тесно, стало невозможно дышать. Она отстегнула ремень, распахнула дверь и выползла наружу. Всюду стояли машины, водители указывали на нее пальцем как на главное действующее лицо. Было что-то противоестественное в том, чтобы стоять вот так посреди мостовой, в окружении машин с урчащими моторами.

Так где же мальчишка? Она опустила глаза — и уперлась взглядом в тело, лежащее навзничь поперек дорожной полосы, всего в нескольких дюймах от колес ее автомобиля. Первое, что она заметила, — неестественно вывернутую ногу. А потом увидела лицо, широко распахнутые безжизненные глаза. И сразу, без тени сомнения, поняла, что он мертв. Она его убила.

С этим чувством она проснулась.

«Все в порядке, все прошло, это был всего лишь сон», — шептала себе Пип, повторяя мантру, за которую отчаянно цеплялась полгода после того несчастья. Медленно, дюйм за дюймом, она вытаскивала себя из бессознательного состояния. Дыхание выравнивалось, сердцебиение возвращалось к норме. Она чувствовала, как липнет к плечам ткань пижамы, мокрая простыня под ней сделалась холодной и липкой, на ней было уже противно спать.

Неужели ее жизнь уже не будет прежней, неужели она обречена мучительно просыпаться каждую ночь, бесконечно проигрывая в подсознании подробности трагедии? Минуло уже шесть месяцев, но сон сохранял такую живость, словно она сбила мальчика только вчера. Пробуждение раз за разом наступало в один и тот же момент. Ее выдирали из сна не шок от столкновения, хотя она с прежней остротой переживала удар тела несчастного об капот ее машины. Нет, ее неизменно будили его гла-

за, расширенные, уставившиеся в пустоту. Эти глаза преследовали ее день и ночь.

Мало-помалу Пип начинала сосредотачиваться на интерьере до боли знакомой спальни своего детства. Как она попала сюда после многолетних стараний сбежать? Со времени ее бегства прошло больше десяти лет, но комната сохранила тот же вид. Розовые стены усеяны следами от пластилина, на котором когда-то крепились фотографии и картинки из журналов, обещавшие жизнь вдали от фермы. Книжные полки по-прежнему прогибались под тяжестью подростковых книжек и тетрадок с отличными оценками. В этой спальне на нее накатывало чувство, что жизнь, которую она любовно создала себе в Лондоне, теперь проживает кто-то другой. С каждой неделей у нее крепло ощущение, что та жизнь уплывает все дальше.

Она услышала скрип двери и негромкие шаги на лестнице.

— Ты в порядке, Пип? — тихо спросила ее мать через дверь. — Принести тебе что-нибудь?

Пип выругалась себе под нос. Почему ее кошмары не могут оставаться безмолвными, почему не получается их скрыть? Она представила, как мать лежит в соседней комнате в темноте и ждет очередного кошмара дочери, чтобы к ней наведаться, пока отец похрапывает рядом, ни о чем не подозревая.

— Все хорошо, мама, — отозвалась она, скрыв раздражение и изобразив спокойствие. — Ложись и спи.

Она слышала, как мать возвращается к себе, оставив дверь своей спальни приоткрытой. Так вот какое оно теперь, ее будущее: неспособность провести ни одной ночи так, чтобы не ожили все подробности трагедии, да еще под наблюдением матери, стерегущей ее, как ястреб. То еще будущее!

Но разве можно было ждать чего-то другого? Пип погубила чужую жизнь, и расплатиться за это можно было только утратой своей. Дознание установило, что она не несет юридической ответственности за гибель мальчика: произошла трагическая случайность. Но что это меняет? Она знала, что случившееся было ее ошибкой, и не могла представить, что когда-нибудь сумеет себя простить. Чувство вины было ее постоянным спутником, ни на секунду не позволяло забыть о содеянном. Собственная жизнь, изуродованная паникой и виной, казалась ей справедливой расплатой: жизнь за жизнь.

Она снова растянулась на холодной мокрой простыне, готовая пролежать без сна до утра.

В какой-то момент ее, наверное, все же сморил сон, но в него ворвался запах горелого. Проникший в ноздри едкий запах заставил ее открыть глаза. Что-то горит? Нужно бежать? Потом она

вспомнила, что находится в родительском доме. Просочившийся в ее комнату запах свидетельствовал о том, что мать жарит тосты на завтрак. Некоторые вещи никогда не меняются. Пип с раннего детства помнила старую газовую плиту в кухне и твердо знала, что тосты надо доставать из духовки вовремя, но почему-то они всегда подгорали.

Она встала, накинула халат и спустилась вниз. Чем ближе кухня, тем сильнее становился запах горелого. Мать, окутанная дымом, соскребала ножом гарь с противня. Отец и его помощник по ферме Джек завтракали за дощатым столом, как будто не замечая дыма.

— Доброе утро, — сказала Пип.

Мать оторвала взгляд от горелого куска хлеба и посмотрела на нее.

— Я сожгла проклятый тост, — сказала она. — Кот принес мышь, вот я и... — Она грустно пожалала плечами, завершая оправдания. — Больше хлеба нет, придется идти в магазин.

— Ничего не меняется, да, Пип? — весело подал голос отец, не отрываясь от колбасы. — Зато полно бекона. Сядь, поешь с нами, пока мы не разошлись.

Джек, подбиравший коркой хлеба остатки яичницы с тарелки, поднял глаза и немного подвинулся вместе с табуретом, освобождая ей место. Пип проигнорировала его широкую дружелюб-

ную улыбку, вернее, сделала вид, что не заметила. В детстве они дружили, и теперь он все время пытался с ней заговорить, но у нее не было сил на разговоры, как не было, если быть честной, и интереса к возрождению былой дружбы. Джек — часть ее прошлого, а в настоящем она в нем не нуждалась. Зачем? Пип не собиралась задерживаться здесь надолго, да и общих тем у них не осталось. Подростками они общались, но она сомневалась, что у них до сих пор сохранилось что-то общее. Начать хотя бы с того, что он довольствовался работой на ферме, в считанных милях от места, где вырос, в то время как Пип создала себе в Лондоне жизнь мечты; Джек ей нравился, но тратить время на возвращение прежней дружбы значило бы отдавать больше, чем она могла сейчас в себе наскрести.

— Ничего, — сказала она матери, — я не голодна. Попью чаю, и хватит с меня.

На самом деле ей хотелось кофе, добротного отфильтрованного кофе собственноручного помола, но мать могла предложить только выдохшийся растворимый из банки, стоявшей на окне месяцы, а то и годы. Здесь никто не пил кофе, банка предназначалась для гостей. После двух-трех чашек этой гадости Пип решила довольствоваться чаем.

— О, Пип!.. — отозвалась мать, выразив этими двумя словечками всю отразившуюся на ее лице

тревогу. Пип уже устала причинять родителям головную боль, но у нее не было энергии, чтобы это изменить.

— Нельзя идти в магазин на пустой желудок, — продолжила мать. — Поешь овсянки или хотя бы съешь вареное яйцо. — Она посмотрела на обугленный кусок хлеба, разжала пальцы и уронила его на противень. — А вот с тостами беда... — Она устало улыбнулась.

— Честно, мам, не надо, — сказала Пип, наполняя чайник и ставя его на горячую плиту. — Мне хватит чая.

Мать с досадой фыркнула, но не стала развивать тему.

— Я думал, мы больше не зовем тебя «Пип», — сказал отец, заставив дочь сконфуженно опустить глаза. — Слыхал, Джек? — продолжил отец. — Стоило нашей Пип уехать, как она заделалась «Роз». Мы знать ничего не знали, пока к нам не приехал погостить ее дружок Доминик. Он назвал ее «Роз», и я не понял, к кому это он обращается.

— Я пользуюсь этим именем на работе, папа, — объяснила Пип, не желавшая возвращаться к этой теме. Она пыталась приучить родителей к своему новому имени, когда впервые наведальась домой, в Суффолк. Мать сначала старалась, но в итоге потерпела неудачу. Отец до сих пор не мог переварить этот факт и часто к нему возвращался.

— Пип получила при крещении два имени, — кротко молвила мать. — Пусть сама решает, каким пользоваться.

Пип ответила матери признательной улыбкой, но та уже отвернулась к плите, для Пип остался только след обиженного выражения на ее лице.

— А я никак не пойму, что плохого в «Пип», — не унимался отец, хоть и перешел на бормотание.

Пип показалось, что Джек не сводит с нее глаз, но она не стала это проверять. Не хватало, чтобы и он ее осуждал!

Мужчины закончили завтрак и со скрипом отъехали на своих табуретах от стола. Джек шумно сделал последний глоток чая и отнес чашку и тарелку в раковину. Отец чмокнул мать в щеку. Оба обулись и отправились на работу.

Пип сняла с крючка кухонное полотенце и принялась вытирать вымытую матерью посуду. Потом, неосознанно перемещаясь по кухне, она аккуратно расставила все по полкам — а ведь треть ее жизни ее дом был не здесь. Ее не переставало удручать, как просто оказалось снова вернуться к жизни на ферме. У нее ушло десять лет на то, чтобы отсюда сбежать, чтобы воплотить в реальность свои мечты, — и вот она снова там, где начинала, снова помогает в благотворительной лавке и вдыхает гарь от сожженного матерью завтрака.